

Джебран Халиль Джебран

Пророк

Джибран Халиль Джибран

ПРОРОК

Эссе

ПРИХОД КОРАБЛЯ

Аль-Мустафа, избранный и возлюбленный, заря своего дня, двенадцать лет ждал в городе Орфалесе возвращения корабля, который должен был увезти его на остров, где он родился.

На двенадцатый год, в седьмой день айлуля, месяца урожая, он поднялся на холм, лежащий за стенами города, обратил взор к морю и заметил свой корабль, приближающийся в тумане.

Тогда раскрылись врата его сердца, и радость его полетела над морем. Он закрыл глаза и молился в тишине своей души.

Но только сошел он с холма, как его охватила немая грусть, и подумал он в сердце своем:

"Как уйти мне с миром и без печали? Нет, не оставить мне этот город, не поранив дух. Долгими были дни страданий, проведенные в этих стенах, долгими были мои одинокие ночи; а кто может расстаться со страданием и одиночеством без сожаления?"

Много крупиц духа рассеял я по этим улицам, и много детей моей тоски бродят нагие меж этих холмов, - и я не могу отказаться от них легко и без боли.

Не одежду сбрасываю я сегодня, а собственными руками сдираю с себя кожу.

И не мысль я оставляю после себя, а сердце, умягченное голодом и жаждой.

Нельзя мне более медлить. Море, которое зовет к себе все сущее, зовет и меня, и я должен отплыть. Ибо остаться - значит замерзнуть, заледенеть, сковать себя цепями земли, хотя часы ночные и пламенны.

Хотел бы я взять с собою все. Но как? Голос не может взять с собой язык и губы, которые дали ему крылья. Он должен устремляться в эфир один. И орел один летит к солнцу, покинув родное гнездо".

Дойдя до подножия холма, он вновь обернулся к морю и увидел, что его корабль приближается к берегу, на палубе корабля матросы - сыновья его земли.

И воззвала к ним его душа, и он сказал:

- Сыновья праматери моей, вы, оседлавшие гребни волн, сколько раз вы приплывали в моих снах. Вот вы пришли, когда я пробудился, и это пробуждение самый глубокий сон.

Я готов отправиться в плавание, и паруса моего нетерпения ждут ветра.

Лишь глотну этого спокойного воздуха, взгляну с любовью назад - и встану среди вас, мореплавателю среди мореплавателей.

О бескрайнее море, недремлющая мать, только в тебе находят мир и свободу река и ручей.

Лишь один поворот сделает этот ручей, лишь раздастся его журчанье на этой поляне - и я вольюсь в тебя, беспредельная капля в беспредельный океан.

Он шел и видел издали мужчин и женщин, спешивших к городским воротам со своих полей и виноградников.

Он слышал, как их голоса выкликают его имя и от поля к полю возвещают друг другу о приходе его корабля.

И сказал он себе:

- Будет ли день разлуки днем урожая? Скажут ли, что вечер мой был воистину моей зарей? Что дать мне тому, кто бросил свой лемех посреди борозды, и тому, кто оставил рукоять своего давилного круга?

Станет ли сердце мое плодоносным деревом, чтобы я мог собрать плоды и дать им?

Будут ли желания кипеть во мне ключом, чтобы я мог наполнить их чаши?

Разве я арфа, чтобы рука могущественного касалась меня, разве я флейта, чтобы его дыхание проходило сквозь меня?

Я ищу тишины, но какое сокровище нашел я в ней, чтобы так смело раздавать его?

Если это день моего урожая, то какие поля и в какие незапамятные времена засеял я семенами?

Если воистину это час, когда я подымаю свой светильник, то не мое пламя будет гореть в нем.

Подыму я свой светильник пустой и темный.

А страж ночи наполнит его маслом и зажжет.

Так сказал он вслух. Но много неизреченного осталось в его сердце, ибо не мог он сам высказать глубокую тайну, ему одному ведомую.

Когда он вступил в город, весь народ вышел ему навстречу, и все приветствовали его в один голос.

Вышли вперед старейшины города и сказали:

- Не покидай нас. Ты был полуднем в наших сумерках, и твоя молодость даровала нам мечты. Ты не чужой среди нас и не гость, а сын и возлюбленный наш. Не заставляй наши глаза тосковать по твоему лику.

Жрецы и жрицы сказали ему:

- Не дай волнам морским разлучить нас теперь и не дай, чтобы годы, которые ты провел среди нас, стали воспоминанием. Ты блуждал среди нас. Дух и тень твоя озаряли светом наши лица. Мы так любили тебя! Но молчалива и скрыта покровами была наша любовь.

- А сейчас она громко взывает к тебе и открыто встает пред тобой. Вечно было так, что глубина любви познается лишь в час разлуки.

Пришли другие и приблизились к нему. Но ни одному не ответил он, а только склонил голову; и те, что стояли близ него, видели, как слезы капали ему на грудь.

Вместе с народом пошел он к большой площади перед храмом.

И вышла из святилища женщина. Аль-Митра было имя ее. Была она прорицательницей.

Он посмотрел на нее с глубокой нежностью, ибо она первая нашла его и поверила в него.

Она приветствовала его словами:

- Пророк Божий, устремляясь к беспредельному, долго ты искал в далях свой корабль.

И вот корабль твой прибыл, пора тебе отправляться.

Глубока твоя тоска по земле твоих воспоминаний и обители твоих сокровенных желаний; и любовь наша не свяжет тебя, как не удержат тебя и наши нужды.

Но мы просим тебя, чтобы перед разлукой ты сказал нам и дал кусить от своей Истины. Мы передадим ее нашим детям, а те - своим, и она не исчезнет.

В одиночестве своем ты взирал на наши дни, и, пробуждаясь, ты слышал, как мы смеялись и плакали во сне.

Потому раскрой нам нас самих и скажи нам все ведомое тебе о том, что лежит между рождением и смертью.

И ответил он:

- Народ Орфалеса, о чем могу я сказать, как не о том, что и сейчас тревожит ваши души?

О ЛЮБВИ

Тогда просила аль-Митра:

- Скажи нам о Любви. Он поднял голову, посмотрел на народ, и воцарилось молчание. Тогда он сказал громким голосом:

- Если любовь ведет вас, следуйте за ней, хотя дороги ее трудны и тернисты.

Если она осенит вас своими крылами, прислушайтесь к ней, даже если вас ранил меч, скрытый в ее оперении.

И если любовь говорит вам, верьте ей, даже если ее голос рушит ваши мечты, подобно тому, как северный ветер опустошает сад.

Ибо любовь венчает вас, но она вас и распинает.

Она растит вас, но она же и подрезает.

Она подымается к вашей вершине и обнимает ваши нежные ветви, дрожащие под солнцем.

И она же спускается к вашим корням, вросшим в землю, и сотрясает их.

Как снопы пшеницы, она собирает вас вокруг себя.

Она обмолачивает вас, чтобы обнажить.

Она просеивает вас, чтобы освободить от шелухи.

Она раскалывает вас до белизны.

Она месит вас, пока вы не станете мягкими. А потом вверяет вас своему святому огню, чтобы вы стали святым хлебом для святого Божиего причастия.

Все это творит над вами любовь, дабы вы познали тайны своего сердца и через это познание стали частью сердца Жизни.

Но если, убоявшись, вы будете искать в любви лишь покой и усладу, то лучше вам прикрыть свою наготу и, покинув гумно любви, уйти в мир, не знающий времен года, где вы будете смеяться, но не от души, и плакать, но не всласть.

Любовь дает лишь себя и берет лишь от себя. Любовь ничем не владеет и не хочет, чтобы кто-нибудь владел ею, ибо любовь довольствуется любовью.

Если ты любишь, не говори: "Бог - в моем сердце"; скажи лучше: "Я - в сердце Божиим". И не думай, что ты можешь властвовать над путями любви, ибо если любовь сочтет тебя достойным, она будет направлять твой путь.

Единственное желание любви - выразить самое себя.

Но если ты любишь и не можешь отказаться от желаний, пусть твоими желаниями будут: Таять и походить на бегущий ручей, что напеваает ночи свою песню.

Познавать боль от бесконечной нежности.

Ранить себя собственным постижением любви;

Истекать кровью охотно и радостно.

Подниматься на заре с окрыленным сердцем и возносить благодарность за еще один день любви.

Обретать покой в полдень и предаваться мыслям о любовном экстазе.

- Возвращаться вечером домой с благодарностью. И засыпать с молитвой за возлюбленного в сердце своем и с песней хвалы на устах.

О БРАКЕ

Потом вновь заговорила аль-Митра.

- Что скажешь ты о Браке, Учитель? спросила она.

И он ответил:

- Вы родились вместе и вместе пребудете вечно.

Вы будете вместе, когда белые крылья смерти рассеют ваши дни.

Вы будете вместе даже в безмолвной памяти Божией.

Но пусть близость ваша не будет чрезмерной,

И пусть ветры небесные пляшут меж вами.

Любите друг друга, но не превращайте любовь в цепи:
Пусть лучше она будет волнующимся морем между берегами
ваших душ.

Наполняйте чаши друг другу, но не пейте из одной чаши.

Давайте друг другу вкусить своего хлеба, но не ешьте от одного
куска.

Пойте, пляшите вместе и наслаждайтесь, но пусть каждый из
вас будет одинок, как одиноки струны лютни, хотя от них исходит
одна музыка.

Отдавайте ваши сердца, но не во владение друг другу.

Ибо лишь рука Жизни может принять ваши сердца.

Стойте вместе, но не слишком близко друг к другу.

Ибо колонны храма стоят порознь, и дуб и кипарис не растут
рядом.

О ДЕТЯХ

И просила женщина, державшая на руках ребенка:

- Скажи нам о Детях.

И он сказал:

- Ваши дети - не дети вам.

Они сыновья и дочери тоски Жизни по самой себе.

Они приходят благодаря вам, но не от вас,

И, хотя они с вами, они не принадлежат вам.

Вы можете дать им вашу любовь, но не ваши мысли. Ибо у них
есть свои мысли.

Вы можете дать пристанище их телам, но не душам,

Ибо их души обитают в доме завтрашнего дня, где вы не можете
побывать даже в снах.

Вы можете стремиться походить на них, но не старайтесь сде-
лать их похожими на себя.

Ибо жизнь не идет вспять и не задерживается на завтрашнем
дне.

Вы - луки, из которых ваши дети, как живые стрелы посланы
вперед.

Стрелок видит цель на пути бесконечности и сгибает вас своей
силой, чтобы его стрелы летели быстро и далеко.

Пусть ваш изгиб в руке стрелка несет радость,

Ибо как любит стрелок летящую стрелу, так любит он и лук,
который неподвижен.

О ДАЯНИИ

Тогда просил богатый человек:

- Скажи нам о Даянии.

И он ответил:

- Вы даете лишь малую толику, когда даете от своего достояния.

- Вы истинно даете, лишь когда даете от самих себя.

Ибо, что есть ваше достояние как не вещи, которые вы храните и стережете из страха, что они могут понадобиться вам завтра?

А завтра? Что принесет завтра самой сообразительной собаке, которая зарывает кость в нетронутый песок, когда идет следом за паломниками в святой город?

Что есть боязнь нужды, как не сама нужда?

Разве страх, что может наступить жажда, когда колодец полон, не есть неутолимая жажда?

Есть такие, которые дают мало от многого, чем они владеют. Они дают с тем, чтобы прославиться, и это тайное желание делает их дары отвратительными.

- И есть такие, которые дают все то малое, что есть у них.

Они верят в жизнь и в щедрость жизни, и их сундуки не бывают пусты.

- Есть такие, которые дают с радостью, и она - награда им.

Есть такие, которые дают с болью, и она их крещение.

И есть такие, которые дают и не знают при этом боли, они не ищут радости и не дают в надежде, что им зачтется.

Они дают так же, как мирт в долине наполняет воздух своим благоуханием.

Руками подобных им говорит Всевышний, и их глазами он улыбается Земле.

Хорошо давать, когда просят, но лучше давать без просьбы, предугадывая;

Для щедрого найти того, кто получит, радость большая, чем само даяние.

Есть ли что-нибудь, что стоило бы утаивать?

Все, что есть у вас, будет когда-нибудь отдано;

Потому давайте сейчас, чтобы время даяния было вашим, а не временем ваших наследников.

Часто вы говорите: "Я бы дал, но только достойному". Деревья в вашем саду и стада на ваших пастбищах не говорят так.

Они дают, чтобы жить, ибо утаить - значит погибнуть.

Истинно, тот, кто достоин получить свои дни и ночи, заслуживает от вас всего прочего.

И тот, кто удостоился пить из океана жизни, достоин наполнить свою чашу из вашего ручейка.

Есть ли пустыня больше той, что заключена в вашей смелости, уверенности и даже снисходительности приятия?

Кто вы есть, чтобы люди раскрывались перед вами и снимали покровы со своей гордости, дабы вы увидели их сущность в наготе и их гордость свободной от смущения?

Посмотрите сначала, достойны ли вы сами давать и быть орудием даяния.

Ибо воистину, лишь жизнь дает жизнь, а вы, считающие себя дающими, лишь зрители.

Вы, принимающие даяния - а вы все принимаете, - не возлагайте на себя ношу благодарности, чтобы не надеть ярмо на себя и на дающего.

Лучше подымайтесь вместе с дающим на его дарах, как на крыльях;

Ибо сверх меры беспокоиться о своем долге - значит сомневаться в великодушии того, для кого мать - щедрая Земля, а отец - Бог.

О ЕДЕ И ПИТЬЕ

Потом просил старик - хозяин харчевни:

- Скажи нам о Еде и Питье.

И он сказал:

- Если б только вы могли жить, вдыхая аромат Земли, и вас, как растения с воздушными корнями, питал бы Свет!

Но раз вынуждены вы убивать, чтобы насытиться и лишать детеныша материнского молока, чтобы утолить жажду, то пусть тогда это будет таинством.

Пусть стол ваш станет алтарем, на который чистых и невинных из леса и с равнины приносят в жертву еще более чистому и невинному в человеке.

Когда вы убиваете зверя, скажите ему в своем сердце: "Та же сила, что сразила тебя, сразит и меня; и меня тоже поглотят.

Ибо закон, который отдал тебя в мои руки, отдаст меня в руки еще более могущественные.

Твоя кровь и моя кровь - всего лишь влага, которая питает древо Небес".

Когда вы надкусываете яблоко, скажите ему в своем сердце:

"Твои семена будут жить в моем теле, бутоны твоего завтрашнего дня распустятся в моем сердце,

Твой аромат станет моим дыханием, И вместе мы будем радоваться во все времена года".

Осенью, когда вы собираете виноград в своих виноградниках, чтобы выжать из него сок, скажите в своем сердце: "Я тоже виноградник, и мои плоды попадут под давящий круг, и, как молодое вино, меня будут хранить в вечных сосудах".

И зимой, когда вы будете черпать вино, воспевайте в своем сердце каждую чашу;

И да будет в песне память об осенних днях, о винограднике и давящем круге.

О ТРУДЕ

Потом просил пахарь:

- Скажи нам о Труде.

И сказал он в ответ:

- Вы трудитесь, чтобы не отрываться от Земли и от Души ее.

Ибо быть бездельником - значит стать чужим для времен года и выйти из шествия жизни, движущегося к бесконечности в величии и в гордом смирении.

Когда вы трудитесь, вы - флейта, в сердце которой шепот времени превращается в музыку.

Кто из вас хотел бы стать, тростинкой, немой, безмолвной, когда все вокруг поет в согласии?

Всегда говорили вам, что труд - проклятье и работа - несчастье.

А я говорю вам: когда вы трудитесь, вы исполняете часть самой ранней мечты Земли, уготованную вам в те времена, когда эта мечта родилась,

И, работая, вы истинно любите Жизнь.

А полюбить Жизнь через работу - значит приблизиться к глубочайшей тайне Жизни.

Но если в своем страдании вы называете Рождение - горем и заботу о плоти - проклятьем, начертанным на вашем лбу, то я отвечу: ничто, кроме пота на вашем лбу, не сотрет начертанного

Говорили вам также, что Жизнь есть тьма, и вы в усталости своей вторите тому, что было сказано уставшими.

А я говорю: Жизнь на самом деле есть тьма, когда нет стремления.

Всякое стремление слепо, когда нет знания,

Всякое знание тщетно, когда нет труда,

Всякий труд бесплоден, когда нет любви;

И когда вы трудитесь с любовью, вы связываете себя с самим собой, друг с другом и с Богом.

А что значит трудиться с любовью?

Это - ткать одежды из нитей своего сердца так, словно те одежды наденет твой возлюбленный.

Это - строить дом с усердием так, словно в том доме поселится твой возлюбленный.

Это - сеять семена с нежностью и собирать урожай с радостью так, словно плоды будет есть твой возлюбленный.

Это - наполнять все, что ты делаешь, дыханием своего духа.

И знать, что все благословенные усопшие стоят подле тебя и смотрят.

Часто я слышал, как вы говорили, будто во сне: "Тот,- кто ваяет из мрамора и обретает в камне образ своей души, благороднее того, кто пашет землю.

И тот, кто ловит радугу, чтобы перенести ее на холст в облике человека, выше того, кто плетет сандалии".

Но я говорю, не во сне, а в ясном бодрствовании полудня, что ветер беседует с могучим дубом так же нежно, как и с тончайши-

ми стебельками травы;

И лишь тот велик, кто превращает голос ветра в песню, становящуюся нежнее от его любви.

Труд - это любовь, ставшая зримой.

Если вы не можете трудиться с любовью, а трудитесь лишь с отвращением, то лучше вам оставить ваш труд, сесть у врат храма и просить милостыню у тех, кто трудится с радостью.

Если вы печете хлеб равнодушно, то ваш хлеб горек и лишь наполовину утоляет голод человека.

Если вы давите виноград с недобрый чувством, то оно отравляет вино.

Если даже вы поете как ангелы, но не любите петь, то вы не даете людским ушам услышать голоса дня и голоса ночи.

О РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ

Потом просила женщина:

- Скажи нам о Радости и Печали.

И он ответил:

- Ваша радость - это ваша печаль без маски.

Тот колодец, из которого доносится ваш смех, часто бывал полон вашими слезами.

А разве бывает иначе?

Чем глубже печаль проникает в ваше естество, тем большую радость вы можете вместить.

Разве чаша, что хранит ваше вино, не была обожжена в печи гончара?

И разве лютня, что ласкает ваш дух, не была вырезана из дерева ножом?

Когда вы радуетесь, взгляните в глубину своего сердца, и увидите, что ныне вы радуетесь именно тому, что прежде печалило вас.

Когда вы печалитесь, снова взгляните в свое сердце, и увидите, что воистину вы плачете о том, что было вашей отрадой.

Некоторые из вас говорят: "Радость сильнее печали", другие говорят: "Нет, сильнее печаль".

Но я говорю вам: они неразделимы.

Вместе они приходят, и, когда одна из них сидит с вами за столом, помните, что другая спит в вашей постели.

Истинно, вы, как чаши весов, колеблетесь между своей печалью и радостью.

Лишь когда вы пусты, вы в покое и уравновешены.

Когда хранитель сокровищ возьмет вас, чтобы взвесить свое золото и серебро, ваша радость или печаль непременно поднимется или опустится.

О ДОМАХ

Тогда вышел вперед каменщик и просил:

- Скажи нам о Домах.

И сказал он в ответ:

- Постройте в пустыне жилище из своих образов, прежде чем строить дом в стенах города.

Ибо как вы возвращаетесь домой в своих сумерках, так возвращается и странник в вас, вечно далекий и одинокий.

Дом ваш - ваше большее тело.

Он растет под солнцем и спит в ночной тиши, и ему снятся сны.

Разве не спит ваш дом и не уходит он во сне из города в рощу или на вершину холма?

Если б я мог собрать ваши дома в свои ладони и, как сеятель, разбросать их по лесам и лугам!

Если бы долины были вашими улицами и зеленые тропы - аллеями, чтобы вы могли искать друг друга в виноградниках и приходить с ароматом земли в своих одеждах!

Но этому не пришло еще время.

В страхе своем ваши праотцы собрали вас слишком близко друг к другу. Не сразу исчезнет этот страх. Не сразу перестанут городские стены отделять очаги ваши от ваших полей.

Скажите мне, люди Орфалеса, что у вас в этих домах? Что вы храните за закрытыми дверями?

Есть ли у вас мир, безмятежное стремление - свидетельство вашей силы?

Есть ли у вас воспоминания - мерцающие своды, что соединяют вершины разума?

Есть ли у вас красота, что уводит сердце от вещей из дерева и камня к святой горе?

Скажите мне, есть ли это в ваших домах?

Или у вас есть лишь покой и жажда покоя, то потаенное, что входит в дом как гость, становится хозяином, а после - властелином?

Да, оно становится укротителем, кнутом и плетью превращающим ваши пылкие желания в игрушки.

Хотя руки его нежны, сердце его из железа. Оно убаюкивает вас лишь для того, чтобы стоять у вашей постели и глумиться над достоинством плоти.

Оно осмеивает ваш здравый ум и кладет его в мягкие листья, как хрупкий сосуд.

Истинно, жажда покоя убивает страсть души, а потом идет, ухмыляясь, в погребальном шествии.

Но вы, дети пространства, вы, беспокойные и в покое, вас не заманить в ловушку и не укротить.

Не якорем, а парусом будет ваш дом.

Не пленкой, затягивающей рану, будет он, а веком, что защищает глаз.

Вы не сложите крылья, чтобы пройти в двери, не склоните голову, чтобы не удариться о потолок, и не будете сдерживать дыхание из страха, что стены потрескаются и рухнут.

Вы не станете жить в гробницах, возведенных мертвыми для живых.

И каким бы великолепным и величественным ни был ваш дом, он не будет хранить вашей тайны и не укроет вашу страсть.

Ибо то, что в вас безгранично, пребывает в небесной обители, врата которой - утренний туман, а окна - песни и ночная тишина.

ОБ ОДЕЖДЕ

И просил ткач:

- Скажи нам об Одежде.

И он ответил:

- Ваша одежда прячет большую долю вашей красоты, но не скрывает уродства.

Вы ищете в одеяниях свободу уединения, но подчас обретаєте в них узду и оковы.

Если б вы могли подставить солнцу и ветру свою кожу, а не одежды!

Ибо дыхание жизни - в солнечном свете, и рука жизни - ветер.

Некоторые из вас говорят: "Это северный ветер соткал одежды, что мы носим".

А я говорю: да, это был северный ветер,

Но стыд был ему ткацким станком и вялость мускулов была ему нитью.

И, закончив свой труд, он смеялся в лесу.

Не забывайте, что стыдливость - щит от глаз порочности.

А когда порочность исчезнет, чем будет стыдливость, как не оковами и сором разума?

Не забывайте, что Земле приятно прикосновение ваших босых ног и ветры жаждут играть вашими волосами.

О КУПЛЕ И ПРОДАЖЕ

И просил торговец: - Скажи нам о Купле и Продаже.

И сказал он в ответ:

- Земля приносит вам свои плоды, и вы не будете нуждаться, если только будете знать, как наполнить свои ладони.

В обмене дарами земли вы обретете достаток и удовлетворение.

Но если в обмене не будет любви и доброй справедливости, то одних он приведет к жадности, а других к голоду.

Когда вы, труженики моря, полей и виноградников повстречаете на рыночной площади ткачей, гончаров и собирателей пря-

ностей,

Взывайте тогда к духу - хозяину Земли, чтобы он появился среди вас и освятил весы и расчеты, сравнивающие ценности вещей.

И не допускайте к обмену людей с пустыми руками, которые расплачиваются своими словами за вашу работу.

Скажите таким людям: "Идите с нами в поле или отправляйтесь с нашими братьями в море и закиньте там свои сети;

Ибо Земля и Море будут также щедры к вам, как к нам".

И если туда придут певцы, плясуны и флейтисты, купите и у них, ибо они тоже собиратели плодов и благовоний, и, хотя то, что они приносят, соткано из снов, - это одеяние и пища для вашей души.

И прежде чем покинуть рыночную площадь, уверьтесь, что ни один не ушел оттуда с пустыми руками.

Ибо дух - хозяин Земли не заснет мирно на ветру, пока не исполнятся нужды самого меньшего из вас.

О ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ

Потом вышел городской судья и просил:

- Скажи нам о Преступлении и Наказании.

И сказал он в ответ:

- В тот час, когда ваш дух странствует по ветру, Вы, одинокие и беззащитные, причиняете зло другим, а значит, и себе.

И потому вы будете стучаться и ожидать, оставаясь незамеченными, у врат Благословенного.

Подобна океану ваша божественная сущность;

Она всегда остается чистой.

И, как эфир, она поднимает лишь окрыленных.

Подобна солнцу ваша божественная сущность;

Она не знает ходов крота и не ищет змеиных нор.

Но не одна божественная сущность составляет ваше естество.

Многое в вас все еще человек, и многое в вас еще не человек, а лишь уродливый карлик, который, сонный, блуждает в тумане в поисках своего пробуждения.

О человеке в вас хочу я сейчас сказать.

Ибо это он, а не ваша божественная сущность и не карлик в тумане, знает о преступлении и наказании.

Часто слышал я, как вы говорили о том, кто творил зло, так, будто он не один из вас, а чужой вам и не званый гость в вашем мире.

Но я говорю: подобно тому как святые и праведники не могут подняться над высочайшим, что есть в каждом из вас,

Так злые и слабые не могут пасть ниже самого низкого, что также есть в вас

И так-же ни один лист не пожелтеет без молчаливого согласия всего дерева

Так и причиняющий зло не может творить его без тайной воли на то всех вас.

В едином шествии идете вы вместе к своей божественной сущности. Вы - путь, и вы же путники.

И когда один из вас падает, он падает за тех, кто идет позади, предупреждая о камне преткновения.

Он падает и за тех, кто идет впереди, за тех, которые хотя и шагают быстрее и увереннее, но не убрали камень.

И вот что я скажу вам еще, хотя слово это будет тяготить ваши души:

И убитый причастен к своему убийству,

И ограбленный виновен в том, что его ограбили.

Праведник повинен в поступках нечестивца,

И честный запятнан проступками злодея.

Да, виновный часто бывает жертвой оскорбленного,

Еще чаще осужденный несет бремя невиновных и безупречных.

Вы не можете отделить справедливого от несправедливого и добродетельного от нечестивца;

Ибо они стоят вместе перед лицом солнца, подобно тому как сплетены воедино черная нить и белая.

И когда черная нить обрывается, ткач осматривает всю ткань и проверяет ткацкий станок.

Если кто-нибудь из вас приведет на суд неверную жену,

Пусть он также взвесит на весах сердце ее мужа и мерит мерой его душу.

И пусть тот, кто захочет ударить обидчика, вникнет в дух обиженного.

И если кто из вас захочет покарать во имя справедливости и вонзить топор в худое дерево, пусть он посмотрит на его корни;

Истинно, он найдет корни хорошие и плохие, плодоносные и бесплодные, сплетенные воедино в молчаливом сердце Земли.

А вы, судьи, которые хотят быть справедливыми.

Какой приговор выносите вы тому, кто честен по плоти, но вор по духу?

Какому наказанию вы подвергаете того, кто умерщвляет по плоти, но сам умерщвлен по духу?

Как можете вы обвинять того, кто поступает как обманщик и притеснитель, но сам обижен и поруган?

Как вы покараете тех, чье раскаянье уже превышает злодеяние?

Не есть ли раскаянье - правосудие, что отправляется тем самым законом, которому вы с радостью бы служили?

Но вы не можете заставить невинного раскаяться и сердце виновного избавить от раскаянья.

Непрошенное, оно будет звать в ночи, чтобы люди смогли проснуться и взглядеться в себя.

Вы, желающие понять справедливость, что можете вы, пока не посмотрите на все дела при ясном свете?

Лишь тогда узнаете вы, что поднявшийся и павший - один и тот же человек, стоящий в сумерках между ночью своей сущности карлика и днем своей божественной сущности.

И что краеугольный камень храма не выше самого нижнего камня в его основании.

О ЗАКОНАХ

Потом спросил законовед:

- Что скажешь ты о наших Законах, учитель?

И он ответил:

- Вы охотно устанавливаете законы,
Но еще охотнее преступаете их.

Как дети, играющие на берегу океана, которые любят строить башни из песка, а потом, смеясь, разрушают их.

Но пока вы строите свои башни из песка, океан вновь приносит песок на берег,

И когда вы разрушаете их, океан смеется вместе с вами.

Истинно, океан всегда смеется вместе с невинными.

Но что сказать о тех, для кого жизнь - не океан, и законы, созданные человеком, не башни из песка,

Для кого жизнь - скала, а закон - резец, коим они обращают ее в свое подобие?

Что сказать о хромом, который ненавидит плясунов?

Что сказать о быке, который любит свое ярмо и считает лесного лося и оленя бездомными скитальцами?

Что сказать о старой змее, которая не может сменить кожу и называет всех остальных голыми и бесстыжими?

И о том, кто рано приходит на свадебный пир и, пресытившись, уходит, говоря, что все пиры отвратительны и все пирующие преступают закон?

- Что мне сказать о них, кроме того, что они тоже стоят под лучами солнца, но спиной к нему?

- Они видят лишь свои тени, и эти тени законы для них.

Что для них солнце, как не источник тени?

И что значит признавать законы, как не склоняться и следовать за тенью на земле?

Но вы, идущие навстречу солнцу, какие образы, начертанные на земле, могут удержать вас?

Вы, странствующие с ветром, какой флюгер укажет вам путь?

Какой человеческий закон свяжет вас, если вы сбросите свое ярмо, но не перед дверью тюрьмы человека?

Каких законов вы убоитесь, если будете плясать, не наталкиваясь на железные цепи человека?

И кто приведет вас на суд, если вы сбросите с себя одежды, но не оставите их на пути человека?

Народ Орфалеса, ты можешь заглушить барабан и ослабить струны лиры, но кто запретит жаворонку петь?

О СВОБОДЕ

И просил оратор:

- Скажи нам о Свободе.

И он ответил:

- У городских ворот и у ваших очагов я видел, как вы падаете ниц и поклоняетесь своей свободе, - так рабы заискивают перед тираном и восхваляют его, хотя он убивает их.

Да, в храмовой роще и в тени крепости я видел, как самые свободные из вас носят свою свободу, как ярмо и наручники.

И сердце мое обливалось кровью, ибо вы можете стать свободными лишь тогда, когда даже само желание искать свободу станет для вас уздой и вы перестанете говорить о свободе как об искомом и достигнутом.

Истинно свободными вы станете не тогда, когда лишены забот будут ваши дни и ваши ночи будут избавлены от нужды и горя.

А когда ваша жизнь будет опоясана ими, но вы подыметесь над ними нагие, без оков.

И как вам подняться над днями и ночами, не разорвав цепей, которыми вы сковали свой полдень на заре своего постижения?

Истинно, то, что вы называете свободой, самая крепкая из этих цепей, хотя звенья ее блестят на солнце и слепят ваши глаза.

И что, как не частицы вас самих, хотелось бы вам сбросить, чтобы обрести свободу?

Если это несправедливый закон, который вы хотели бы отменить, то закон этот был начертан вашей же рукой на лбу вашем.

Вам не стереть его, даже если вы бросите в огонь книги законов; вам не смыть его со лбов ваших судей, даже если вы на них выльете целое море.

А если это деспот, которого вы хотели бы свергнуть с престола, посмотрите прежде, разрушен ли его престол, воздвигнутый в вашей душе.

Ибо, как может тиран властвовать над свободными и гордыми, если нет в их свободе тирании и нет в их гордости стыда?

Если это забота, от которой вы хотели бы избавиться, то эта забота скорее была избрана вами, чем навязана вам.

И если это страх, который вы хотели бы изгнать, то источник этого страха - в вашем сердце, а не в руке устрашающего.

Истинно, все в вашем естестве движется в неизменном полубога, желанное и ужасающее, отвратительное и заветное, то, что вы ищете, и то, от чего вы бежали бы.

Все это движется в вас, как свет и тень, слитые в пары.

Когда тень бледнеет и исчезает, угасающий свет становится тенью другого света.

Так и ваша свобода, теряя свои оковы, сама становится оковами большей свободы.

О РАЗУМЕ И СТРАСТИ

Вновь заговорила жрица и просила:

- Скажи нам о Разуме и Страсти.

И сказал он в ответ:

- Часто ваша душа - поле битвы, где разум и воля ведут войну против страстей и влечений.

Если бы я мог стать миротворцем в душе вашей, если б мне удалось превратить разлад и соперничество ваших частиц в напев и единство!

Но как мне достичь этого, если и вы сами не станете миротворцами, возлюбившими все частицы свои?

Ваш разум и страсть - руль и паруса вашей плывущей по морю души.

Если ваши паруса и руль сломаны, вы можете носиться по волнам и плыть по течению либо недвижно стоять в открытом море.

Ибо разум, когда он властвует один, сила ограничивающая; а одна страсть - пламя, сжигающее само себя.

Потому пусть ваша душа вознесет ваш разум на вершину страсти, чтоб он мог петь; и пусть она направляет вашу страсть разумно, чтобы ваша страсть жила, каждый день воскресая, и подобно Фениксу возрождалась из пепла.

Хотел бы я, чтобы вы считали вашу волю и ваши влечения двумя дорогими гостями в своем доме.

Ведь не будете вы оказывать одному гостю больше почестей, нежели другому; ибо тот, кто более внимателен к одному, теряет любовь и доверие обоих.

Когда вы сидите среди холмов, в прохладной тени серебристых тополей, разделяя мир и спокойствие с далекими полями и лугами,- пусть тогда ваше сердце промолвит в тишине: "Бог покоится в разуме".

Когда разразится буря и могучий ветер начнет сотрясать деревья в лесу, а гром и молния возгласят величие неба,- пусть тогда ваше сердце воскликнет в благоговении: "Бог движется в страсти".

И раз вы дыхание в Божьем мире и лист в Божьем лесу, то и вы покойтесь в разуме и двигайтесь - в страсти.

О БОЛИ

Потом просила женщина:

- Скажи нам о Боли.

И он сказал:

- Ваша боль - это раскалывание раковины, в которую заключен ваш дар понимания.

Как косточку плода нужно расколоть, чтобы его сердцевина увидела солнце, так и вы должны познать боль.

Если б ваше сердце не уставало изумляться ежедневным чудесам жизни, то ваша боль казалась бы вам не менее изумительной, чем радость;

- И вы восприняли бы времена года своего сердца, как всегда принимали времена года, проходящие над вашими полями.

И вы безмятежно смотрели бы сквозь зимы своей печали.

Многое из вашей боли избрано вами самими.

Это горькое зелье, которым лекарь в вас исцеляет вашу больную сущность.

Поэтому доверьтесь лекарю и пейте его лекарства в молчании и спокойствии: ибо его руку, тяжелую и твердую, направляет заботливая рука Незримого,

И хотя обжигает вам губы чаша, которую он подносит; она сделана из глины, которую гончар смочил своими святыми слезами.

О САМОПОЗНАНИИ

И просил мужчина:

- Скажи нам о Самопознании.

И он ответил:

- Ваши сердца познают в безмолвии тайны дней и ночей.

Но ваши уши жаждут услышать знание вашего сердца.

Вы хотели бы познать в словах то, что вы всегда знали в мыслях.

Вы хотели бы прикоснуться пальцами к нагому телу своих снов.

И это прекрасно.

Тайный родник вашей души должен излиться и с журчанием потечь к морю;

И сокровище собственных беспредельных глубин откроется вашим взорам.

Но не стремитесь взвесить на весах ваше неведомое сокровище;

- И не пытайтесь измерить глубины своего знания посохом и лотом.

Ибо оно - море беспредельное и безмерное.

Не говорите: "Я открыл всю истину", но лучше скажите: "Я открыл истину".

Не говорите: "Я открыл путь души". Скажите лучше: "Я повстречал душу, идущую моим путем".

Ибо душа ходит всеми путями. Душа не идет в одном лишь направлении и не растет как тростник. Душа раскрывается как лотос с бесчисленными лепестками.

ОБ УЧЕНИИ

Тогда просил учитель:

- Скажи нам об Учении.

И он сказал:

- Ни один человек ничего не может открыть вам, кроме того, что лежит в полудреме на заре вашего знания.

Учитель, что ходит в тени храма в окружении своих учеников, дает не от своей мудрости, а скорее от своей веры и благоволения.

Если он истинно мудр, он не повелит вам войти в дом мудрости, а скорее поведет вас к порогу вашего разума.

Астроном может говорить вам о своем понимании пространства, но не может дать вам это понимание.

Музыкант может передать вам ритм, которыми наполнено все пространство, но не может дать вам ни ухо, которое улавливает ритм, ни голос, что вторит ему.

И посвященный в науку чисел может сказать о мире весов и мер, но не может ввести вас туда.

Ибо видение одного человека не дает крыльев другому. И как каждый из вас стоит одиноко в Божием знании, так должен каждый из вас быть одиноким в своем знании Бога и в своем понимании Земли.

О ДРУЖБЕ

И просил юноша:

- Скажи нам о Дружбе.

И он сказал в ответ:

- Твой друг - это твои исполненные желания

Он - поле твое, которое ты любовно засеваешь и с которого собираешь урожай со словами благодарности.

Он твой стол и очаг. Ибо ты приходишь к нему голодный и у него ищешь мира.

Когда твой друг поверяет тебе свои мысли, не бойся сказать "нет" и не утаивай "да".

И когда он молчит, сердце твое не перестает слушать его сердце.

Ибо в дружбе все думы, все желания, все надежды рождаются и разделяются без слов, в безмолвной радости.

Когда ты разлучаешься с другом, не горюй;

Ибо то, что ты более всего любишь в нем, становится яснее в его отсутствие, ведь взбирающийся на гору яснее видит ее с равнины.

И пусть не будет иной цели в дружбе, кроме проникновения в глубины духа.

Ибо любовь, которая ищет что-либо помимо раскрытия своей собственной тайны, это не любовь, а расставленные сети, в которые попадаете лишь бесполезное.

- И пусть лучшее в тебе будет для твоего друга.

- Если ему суждено узнать отлив твоего моря, пусть он знает и его прилив.

- Зачем тебе друг, если ты ищешь его лишь для того, чтобы убить время? Всегда ищи его, чтобы прожить время. Ибо он призван исполнить твои желания, но не наполнить твою пустоту. И пусть смех и взаимное наслаждение сопутствуют сладости дружбы. Ибо в росе малостей сердце встречает свое утро и освежается.

О СЛОВАХ

Потом просил ученый:

- Скажи нам о Словах.

И сказал он в ответ:

- Вы прибегаете к словам, когда вы не в силах совладать со своими мыслями;

И когда вы не можете долее обитать в одиночестве своего сердца, вы переселяетесь на уста, и звук становится отвлечением и забавой.

Во многих ваших словах мысль наполовину убита.

Ибо мысль - птица в пространстве, которая может расправить крылья в клетке из слов, но не может летать. Есть среди вас такие, что ищут многоречивого из страха перед одиночеством. В молчании одиночества их глазам предстает их нагая суть, и они бегут прочь.

И есть такие, что невольно открывают в разговоре истину, которую сами не понимают.

И есть, такие, что хранят истину в себе, но не изрекают ее. В сердце подобных им дух живет в размеренном молчании. Где бы вы ни встретили друга - на обочине дороги или на рыночной площади,- пусть дух в вас движет вашими губами и повелевает вашим языком.

Пусть голос вашего голоса говорит уху его уха; Ибо его душа будет хранить истину вашего сердца так же, как вспоминается вкус вина, когда цвет забыт и нет более сосуда.

О ВРЕМЕНИ

И спросил астроном:

- Учитель, что скажешь ты о Времени?

И он ответил:

- Вы хотите измерить время безмерное и неизмеримое, вы хотите жить согласно часам и временам года и даже дух свой подчинить им. Из времени вы хотите сделать ручей, чтобы сесть на берегу и следить за его течением.

Но вневременное в вас осознает вневременность жизни. И знает, что вчерашний день - лишь память сегодняшнего, а завтрашний - его мечта.

И то, что поет и мыслит в вас, все еще пребывает в том первом мгновении, которое рассыпало звезды в пространстве.

Кто из вас не чувствует, что его способность любить безгранична?

Но кто при этом не чувствует, что сама любовь, хотя и безгранична, заключена в центр его естества, а не тянется вереницей любовных мыслей и деяний?

И разве время не подобно любви - неделимой и неизмеримой?

Но если в своих мыслях вы должны отмерять время по временам года, то пусть каждое из них объемлет все другие.

И да обнимет сегодняшний день прошлое памятью и будущее - страстным влечением!

О ДОБРЕ И ЗЛЕ

И просил один из старейшин города:

- Скажи нам о Добре и Зле.

И он ответил:

- О добре в вас могу я говорить, но не о зле. Ибо что есть зло, как не добро, терзаемое голодом и жаждой.

Истинно, когда добро терпит голод, оно разыскивает пищу даже в темных пещерах, и, когда оно жаждет, оно пьет даже затхлую воду.

Вы добры, когда вы наедине с собою. Но и когда вы не наедине с собою, вы не злы.

Ибо заброшенный дом - не логовище воров; это всего лишь заброшенный дом.

И корабль без руля может бесцельно блуждать среди коварных островов, но так и не пойти ко дну.

Вы добры, когда стараетесь давать от самих себя. Но вы не злы, когда ищете выгоды для себя. Ибо когда вы стараетесь извлечь выгоду, вы всего лишь корень, что держится за землю и сосет ее

грудь.

Истинно, плод не может сказать корню: "Будь таким, как я, спелым, сочным и вечнодающим от своего изобилия".

Ибо для плода давать - потребность, как получать - потребность для корня.

Вы добры, когда говорите, полностью пробудившись от сна,

Но вы не злы, когда спите, а язык ваш болтает попусту.

И даже косноязычная речь может укрепить слабый язык.

Вы добры, когда идете к своей цели смело, уверенным шагом.

Но вы не злы, когда идете к ней, хромя.

Даже те, кто хромяет, не идут вспять. Но вы, сильные и быстрые, не притворяйтесь хромыми перед хромым, полагая это благом.

Несть числа примерам вашей доброты, но вы не злы и тогда, когда вы не добры.

Вы лишь бездельничаете и ленитесь. Жаль, что олени не могут научить черепах проворству.

В вашем влечении к собственной сущности исполина лежит ваша доброта: и оно - в каждом из вас.

Но в одних это влечение - бурный поток, мчащийся к морю, несущий тайны горных склонов и песни леса.

А в других это - мелкий ручей, что теряется в излучинах, петляет и иссякает прежде, чем достигнет берега.

Но пусть тот, кто жаждет многого, не говорит тому, кто довольствуется малым: "Почему ты медлишь и колеблешься?"

Ибо истинно добрый не спросит нагого: "Где твоя одежда?" и не спросит бездомного: "Что стало с твоим домом?"

О МОЛИТВЕ

Потом просила жрица:

- Скажи нам о Молитве.

И сказал он в ответ:

- Вы молитесь, пребывая в горе и нужде; о, если бы вы молились также в полноте своей радости и во дни изобилия!

Ибо что есть молитва как не проникновение ваше в живой эфир?

И если вам не сдержать слезы, когда ваша душа зовет вас на молитву, она сквозь слезы будет звать к вам снова и снова, пока вы не придете с улыбкой на устах.

Творя молитву, вы подымаетесь, чтобы встретить в воздухе тех, кто молится в этот час и с кем вы можете повстречаться лишь во время молитвы.

Потому входите в тот незримый храм лишь ради экстаза и сладостного общения.

Ибо если вы войдете в храм лишь для того, чтобы просить, вы не получите.

Если вы войдете в него и падете ниц, вы не будете подняты.

И даже если вы войдете в него просить добра для других, вы не будете услышаны.

Довольно того, что вы входите в храм незримый.

Я не могу научить вас творить молитву из слов.

Бог слышит ваши слова, лишь когда он сам влагает их в ваши уста.

И не могу я научить вас молитве морей, лесов и гор.

- Но вы, рожденные горами, лесами и морями, можете найти их молитву в своем сердце.

Если только вы вслушаетесь в ночную тишину, вы услышите, как они говорят в безмолвии:

"Господь наш, наша окрыленная сущность, Это твоя воля в нас повелевает. Это твое желание в нас желает. Это твое побуждение в нас превращает наши ночи, которые принадлежат тебе, в дни, которые тоже твои.

Мы не можем просить тебя ни о чем, ибо тебе ведомы наши нужды прежде, чем они родятся в нас:

Ты - наша нужда; и, давая нам больше от себя, ты даешь нам все".

О НАСЛАЖДЕНИИ

Тогда вышел вперед отшельник, который бывал в городе раз в году, и просил:

- Скажи нам о Наслаждении.

И ответил он:

Наслаждение - это песнь свободы.

Но не свобода.

Это цвет ваших желаний.

Но не их плод.

Это глубина, зовущая в высоту.

Но не глубь и не высь.

Это пленница в клетке, расправляющая крылья.

Но не замкнутое пространство.

Да, поистине наслаждение - это песнь свободы.

Я бы с радостью услышал, как вы поете ее от всего сердца, но я бы не хотел, чтобы вы утратили свое сердце в этом пении.

Есть среди вас юноши, которые ищут одного наслаждения, а их судят и укоряют.

Я не стал бы ни судить их, ни укорять.

Пусть они ищут. Ибо они найдут не одно лишь наслаждение;

Семь у него сестер, и даже самая меньшая из них прекраснее наслаждения.

Разве не слышали вы о человеке, что искал в земле коренья, а нашел сокровища?

И есть среди вас старцы, которые вспоминают о наслаждениях с сожалением, как о грехах, совершенных в опьянении.

Но сожаление - это лишь затмение разума, но не наказание для него.

Им стоило бы вспоминать о наслаждениях с благодарностью, как о летнем урожае.

Но если их утешает сожаление, пусть они утешатся.

И есть среди вас те, что не столь молоды, чтобы искать, и не столь стары, чтобы вспоминать.

В своем страхе перед поисками и воспоминаниями они сторонятся всех наслаждений, дабы не пренебречь духом и не оскорбить его.

Но даже их воздержание приносит им наслаждение.

Так и они находят сокровища, хотя ищут в земле коренья дрожащими руками.

Но скажите мне, кто может оскорбить дух?

Разве оскорбит соловей тишину ночи или светлячок - звезды?

И разве ваше пламя и ваш дым отяготят ветер?

Или вы думаете, что дух это тихая заводь, которую можно всколыхнуть посохом?

Часто, отказывая себе в наслаждении, вы лишь прячете желание в тайники своего естества.

Кто знает, быть может, то, что кажется упущенным сегодня, ждет завтрашнего дня?

Даже ваше тело знает, что ему завещано, знает, в чем оно по праву нуждается, и его не обманешь.

А тело ваше - арфа вашей души.

И вы вольны извлечь из нее нежную музыку или нестройные звуки.

И сейчас вы вопрошаете в своем сердце: "Как различить нам, что есть благо в наслаждении и что не есть благо?"

- Пойдите в свои сады и поля и вы узнаете, что для пчелы собирать нектар с цветка наслаждение.

- Но и для цветка наслаждение давать нектар пчеле.

Ибо для пчелы цветок - источник жизни,

А для цветка пчела - вестник любви.

И для обоих - пчелы и цветка - приносить и получать наслаждение есть и потребность, и экстаз.

Народ Орфалеса, уподобься в своих наслаждениях цветам и пчелам.

О КРАСОТЕ

И просил поэт:

- Скажи нам о Красоте.

И он ответил:

- Где вы будете искать красоту и как вы ее найдете, если не она сама станет для вас и путем, и вожатым?

И как вам говорить о ней, если не она будет ткачом вашей речи?

"Красота ласкова и нежна,- говорят обиженные и оскорбленные.- Как молодая мать, чуть смущаясь своей славой, ступает она среди нас".

"Нет, красота грозна и могущественна, говорят пылкие.- Как буря, сотрясает она Землю и Небо".

Говорят усталые и утомленные:"Красота подобна нежному шепоту. Она говорит в нашем духе. Ее голос отступает перед нашим молчанием, как слабый свет, что дрожит в страхе перед тенью".

Но беспокойные говорят:"Мы слышали, как она кричала в горах. И вместе с ее криками раздавался топот копыт, хлопанье крыльев и львиный рык".

Ночью говорят городские стражники:"Красота взойдет с зарей на востоке".

В полдень говорят труженики и путники:"Мы видели, как она склонилась над Землей из окон заката.

Зимой говорят занесенные снегом: "Она придет с весной, шагая по холмам".

И в летний зной говорят жнецы:"Мы видели, как она пляшет с осенними листьями, видели снег в ее волосах".

Все это сказали вы о красоте.

На деле же говорили вы не о ней, но о своих неисполненных желаниях,

А красота - не желание, а экстаз.

Это не жаждущие уста и не пустая протянутая рука,

Но пламенное сердце и очарованная душа.

Это не образ, что вам хотелось бы видеть, и не песня, что вам хотелось бы слышать.

Но образ, который вы видите, даже если сомкнете глаза, и песня, которую вы слышите, даже если закроете уши.

Это не смола на морщинистой коре и не крыло, сросшееся с когтем.

Но вечноцветущий сад и сонм вечнолетающих ангелов.

Народ Орфалеса. Красота есть Жизнь, снимающая покров со своего святого лика.

Но Жизнь - это вы, и покров - это вы.

Красота есть Вечность, глядящаяся в зеркало. Но Вечность - это вы, и зеркало - это вы.

О РЕЛИГИИ

И просил старый жрец:

- Скажи нам о Религии.

И он сказал:

- Разве говорил я сегодня о чем-то ином?

Разве не есть религия все дела и помышления,

А также то, что не есть дело и помышление, но радость и удивление, вечно возникающее в душе, даже когда руки обтесывают камень или трудятся за ткацким станком?

Кто может отделить свою веру от своих поступков или свои убеждения от занятий?

Кто может разостлать свое время перед собой, говоря: "Это для Бога, а это для меня; это для моей души, а это - для тела"?

Все ваши часы - крылья, своими взмахами рассекающие пространство.

Лучше бы нагим был тот, кто облачается в свою мораль, как в лучшие одежды.

Ветер и солнце не причинят вреда его коже.

И тот, кто в своем поведении следует этике, заточает свою певчую птицу в клетку.

Самая свободная песня не пройдет сквозь решетку и проволоку.

И тот, для кого поклонение - окно, которое отворяют и затворяют, еще не бывал в доме своей души, чьи окна - от зари до зари.

Ваша каждодневная жизнь - ваш храм и ваша религия. Когда бы вы ни вошли в него, берите все свое с собой.

Берите плуг и горн, молот и лютню,

Те вещи, что вы сделали по необходимости или в удовольствие.

Ибо в мечтаниях вы не можете ни подняться выше своих успехов, ни пасть ниже своих неудач.

И берите с собой всех людей.

Ибо, поклоняясь, вы не можете ни взлететь выше их надежд, ни унизиться ниже их отчаяния.

И если бы вы познали Господа, вам не пришлось бы разгадывать загадки.

Посмотрите вокруг, и вы увидите, как он играет с вашими детьми.

Посмотрите в пространство, вы увидите, как он ступает по облакам, простирает руки-молнии и опускается дождем.

Вы увидите, как он улыбается в цветах, поднимается и машет рукой в древесной листве.

О СМЕРТИ

Потом заговорила аль-Митра:

- Теперь скажи нам о Смерти.

И он ответил:

- Вам хочется узнать тайну смерти. Но где вы найдете ее, как не в сердце жизни? Сова, чьи глаза завязала ночь, не может снять покров с таинства света. Если вы подлинно хотите узреть дух смерти, распахните свое сердце перед плотью жизни. Ибо жизнь и смерть едины, как едины река и море.

В глубине ваших надежд и желаний лежит молчаливое знание запредельного;

И, как семена, спящие под снегом, ваше сердце видит сны о весне.

Верьте снам, ибо в них скрыты врата в вечность. Ваш страх перед смертью - лишь трепет пастуха, стоящего перед царем, который вскоре возложит на него руку в знак милости.

Разве в трепете пастуха не таится радость от того, что он будет отмечен царем?

Но разве не трепет беспокоит его всего более? Ибо что значит умереть, как не встать нагим на ветру и растаять на солнце? И что значит перестать дышать, как не освободить дыхание от его беспокойных приливов и отливов, чтобы оно могло подняться, расшириться и беспрепятственно искать Бога?

Лишь тогда вы будете петь по-настоящему, когда изопьете из реки молчания. И начнете восхождение, лишь когда достигнете вершины. И лишь тогда вы исполните свой подлинный танец, когда Земля потребует к себе вашу плоть.

ПРОЩАНИЕ

И вот настал вечер. И сказала аль-Митра, пророчица: - Да будет благословен этот день, это место и дух твой, что говорил нам. И ответил он:

- Разве это я говорил? Разве не был я также тем, кто слушал?

Потом он сошел по ступеням храма, и весь народ последовал за ним. Он дошел до своего корабля и встал на палубе.

- И, снова обратясь к народу, возвысив свой голос, он сказал:

Народ Орфалеса, ветер велит мне покинуть тебя. И, хотя я не так спешу, как ветер, все же я должен идти. Мы, путники, вечно ищущие безлюдного пути, никогда не начинаем день там, где закончили предыдущий; и восход солнца никогда не застает нас там, где нас покинул закат.

Мы в пути даже тогда, когда Земля спит. Мы семена живучего растения, и, как только мы достигаем зрелости и сердца наши переполняются, ветер подхватывает нас и рассеивает.

Коротки были мои дни среди вас, но еще короче слова, что я сказал.

Но если мой голос затихнет у вас в ушах и моя любовь сотрется в вашей памяти, я приду вновь.

И с сердцем, более полным, и устами, более воздающими духу, буду я говорить.

Да, я вернусь с приливом. И, хотя смерть может скрыть меня и большая тишина может объять меня, все же я вновь буду искать вашего понимания.

И не напрасно я буду искать. Если что-нибудь из того, что я сказал, есть истина, то эта истина откроется в более звонком голосе и в словах более созвучных вашим мыслям.

Я уйду с ветром, народ Орфалеса, но я не кану в пустоту;

Если в этот день не суждено сбыться вашим желаниям и моей любви, то пусть он остается обещанием, пока не наступит другой день.

Меняются желания человека, но не его любовь, и он неизменно жаждет, чтобы любовь исполнила его желания.

Потому знайте, что я вернусь из большей тишины. Туман, исчезающий на рассвете и оставляющий лишь росу на полях, поднимется, соберется в облако и упадет дождем.

И я был подобен туману. В безмолвии ночи бродил я по вашим улицам, и дух мой входил в ваши дома, биение вашего сердца было в моем сердце, и ваше дыхание - на моем лице, и я знал всех вас.

Да, я знал вашу радость и вашу боль, и, когда вы спали, ваши сны были моими снами.

Часто я был среди вас озером среди гор.

Во мне отражались ваши вершины, и пологие склоны, и даже проходящие стада ваших мыслей и желаний. В мою тишину с ручьями врывался смех ваших детей и с реками - страсть ваших юношей. И, достигнув моей глубины, ручьи и реки все же не переставали петь. Но нечто более сладостное, чем смех, и более великое, чем страсть, пришло ко мне.

То было беспредельное в вас; Великан, в котором все вы - лишь клетки и мускулы;

Тот, в песне которого ваше пение - всего лишь беззвучный шепот.

Именно в этом Великане вы велики, И, глядя на него, я увидел и полюбил вас. Ибо каких далей, которых нет в этой великой сфере, может достичь любовь? Какие видения, надежды и помышления может вызвать этот полет? Этот Великан в вас подобен исполинскому дубу, покрытому яблоневыми цветами. Его сила связывает вас с Землей, его аромат поднимает вас в пространство и в его несокрушимости вы бессмертны.

Вам сказали, что даже если вы цепь, вы слабы, как ваше слабейшее звено.

Но это лишь наполовину истина. Вы и крепки, как ваше крепчайшее звено.

Оценивать вас по самому малому из ваших дел - значит измерять силу океана по хрупкости его пены.

Судить о вас по вашим неудачам - значит возлагать вину на времена года за их непостоянство.

Да, вы подобны океану, и, хотя севшие на мель корабли ждут прилива у ваших берегов, вы, даже если вы океан-, не можете торопить свои приливы.

Еще вы подобны временам года и, хотя зимой своей вы отрицаете свою весну, Весна, покоясь в вас, улыбается в дремоте и не таит обиды. Не думайте, что я сказал это, чтобы вы говорили друг другу: "Он воздал нам хвалу. Он видел в нас лишь доброе".

Я говорю вам словами известное вам самим в мыслях. Но что есть знание, облеченное в слово, как не тень бессловесного знания? Ваши мысли и мои слова - волны, расходящиеся от запечатанной памяти, которая хранит следы нашего прошлого и тех давних дней, когда Земля не знала ни нас, ни саму себя и тех ночей, когда земля пребывала в смятении.

Мудрые люди приходили дать вам от своей мудрости. Я пришел взять от вашей мудрости.

И вот я нашел большее, чем мудрость. Это пылающий дух в вас, все более распалющийся, Пока вы, не замечая его возрастания, сетуете на угасание ваших дней. Это Жизнь, ищущая Жизнь в телах, которые страшатся могилы. Здесь нет могил. Эти горы и равнины - колыбель и ступени. Всякий раз, как вы проходите мимо поля, где покоятся ваши предки, взгляните и вы увидите самих себя и детей ваших, пляшущих, взявшись за руки.

Истинно, часто вы веселитесь, не ведая того.

Другие приходили к вам; за золотые обещания, ставшие вашей верой, вы дали им лишь богатство, силу и славу.

Я дал вам меньше, чем обещание, но вы были великодушнее ко мне.

Вы дали мне более сильную жажду жизни.

Воистину нет большего дара для человека, чем тот, что превращает все его цели в запекшиеся губы, а всю Жизнь - в источник.

И в том моя честь и награда, что, когда бы я ни пришел к источнику напиться, я вижу, что живая вода сама жаждет.

И она пьет меня, пока я пью ее.

Иные из вас считали, что я горд и слишком робок, чтобы принимать дары.

Да, я слишком горд, чтобы принимать плату, но не дары. И хотя я кормился лесными ягодами среди холмов, когда вы могли усадить меня за стол и спал на галерее храма, когда вы с радостью

приютили бы меня, все же разве не ваша нежная забота о моих днях и ночах делала еду сладкой для моих уст и окутывала мой сон видениями?

За это я более всего благодарен вам.

Вы даете много, но вовсе не знаете того.

Истинно, доброта, которая глядится в зеркало, обращается в камень. И доброе дело, которое упивается собой, порождает проклятие.

Некоторые из вас отзывали меня в сторону и опьянялись моим одиночеством. И вы говорили: "Он держит совет с лесными деревьями, но не с людьми. Он сидит одиноко на вершинах холмов и смотрит на наш город".

Верно то, что я поднимался на холмы и бродил в дальнем краю.

Как еще было мне увидеть вас, если не с высоты и не издалека?

Как можно быть воистину близко, не будучи далеко?

А другие из вас звали меня, но безмолвно, и говорили: " - Незнакомец, возлюбивший недостижимые выси, почему ты живешь среди вершин, где орлы вьют свои гнезда? Почему ищешь ты недосыгаемое? Какие бури хотел бы ты поймать в свои сети и за какими диковинными птицами охотишься в небе?

Приди и будь одним из нас. Спустишься, насыть свой голод нашим хлебом и утоли жажду нашим вином."

В одиночестве своих душ говорили они эти слова; Но если бы их одиночество было глубже, они бы знали, что я искал лишь тайну вашей радости и боли и охотился лишь на ту часть вашей сущности, что блуждает по небу.

Но охотник был и добычей; Ибо многие стрелы покинули мой лук лишь затем, чтобы найти мою грудь. И кто летал, тот и ползал; Ибо, когда я расправлял свои крылья под солнцем, их тень на земле была черепахой. И я, верующий, предавался сомнению; Ибо часто я вкладывал перст в свою рану, чтобы более поверить в вас и лучше узнать вас. И вот с этой верой и знанием я говорю: Вы не заточены в свои тела, и вас не удержат дома и поля.

Суть ваша обитает над горами и блуждает с ветром. Она не тварь, что выползает на солнце погреться или роет ходы во тьме, чтобы уйти от опасности Но нечто свободное, дух, который окутывает землю и движется в эфире.

Если эти слова туманны, не пытайтесь прояснить их. Ибо смутно и туманно начало всех вещей, но не конец их и я буду рад, если вы будете помнить меня как начало. Жизнь и все живое постигается в тумане, а не в кристалле. И кто знает, может, кристалл - это рассеивающийся туман?

Мне хочется, чтобы, вспоминая обо мне, вы помнили: То, что кажется в вас самым слабым и смутным, - самое сильное и ясное.

Разве не ваше дыхание подъяло ваши кости и укрепило их? И разве не сон, который никто из вас не помнит, построил ваш город и придал облик всему, что в нем есть? Если бы вы только могли видеть приливы того дыхания, вы перестали бы видеть все остальное. И если бы вы могли слышать шепот того сна, вы не смогли бы слышать другие звуки.

Но вы не видите и не слышите, и пусть будет так. Пелену, что застилает ваши глаза, поднимут руки, которые ее соткали, и глину, что закрывает ваши уши, снимут пальцы, которые ее замешивали.

И тогда вы увидите. И тогда вы услышите.

Вы не будете жалеть о том, что познали слепоту и раскаиваться в том, что были глухи.

Ибо в тот день вы узнаете скрытые цели всех вещей. И вы благословите тьму, как благословляли свет.

Сказав это, он посмотрел вокруг и увидел, что кормчий его корабля стоит у руля и смотрит то на поднятые паруса, то вдаль.

И он сказал: - Терпелив капитан моего корабля. Дует ветер и беспокойны паруса;

Даже руль просит дать ему направление; Но спокойно ждет капитан, когда я умолкну. И матросы, которые слушали хор великого моря, терпеливо слушали меня. Теперь им не нужно больше ждать: Я готов. Ручей достиг моря, и вновь великая мать прижимает своего сына к груди.

Прощай, народ Орфалеса! Этот день подошел к концу. Он закрывается перед нами, как водяная лилия перед своим завтрашним днем. То, что нам было дано здесь, мы сохраним. И если этого будет мало, мы соберемся вместе и протянем руки к Дающему. Не забывайте, что я вернусь к вам.

Еще мгновение, и моя страсть соберет песок и пену для другого тела. Еще мгновение, минута покоя на ветру, и другая женщина родит меня.

Прощай, народ Орфалеса и юность, что я провел с тобой. Лишь вчера мы встретились во сне. Вы пели мне в моем одиночестве, и я из ваших страстей построил башню в небе. Но вот промелькнуло сновидение, окончился наш сон и минула заря. Полдень над нами. Наше полупробуждение превратилось в ясный день, и нам пора расставаться.

Если мы еще встретимся в сумерках памяти, мы вновь заговорим, и вы споете мне более проникновенную песню. И если в другом сне встретятся наши руки, мы построим другую башню в небе.

Сказав так, он дал знак матросам; те тотчас подняли якорь, отвязали корабль от причала, и они поплыли на восток.

Крик вырвался из уст народа, как из единого сердца и поднялся в сумрак, и разнесся над морем, словно могучий рев трубы.

Лишь аль-Митра молчала, провожая взглядом корабль, пока он не исчез в тумане.

И, когда народ разошелся, она все еще одиноко стояла на берегу, вспоминая в своем сердце его слова:

"Еще мгновение, минута покоя на ветру, и другая женщина родит меня".